

Царство Зверя

Дмитрий Мережковский

Павел Первый

«Public Domain»

1906

Мережковский Д. С.

Павел Первый / Д. С. Мережковский — «Public Domain»,
1906 — (Царство Зверя)

Дмитрий Сергеевич Мережковский – крупнейший русский и европейский писатель, философ, публицист, поэт, чье творческое наследие с честью выдержало испытание временем и вошло в фонд мировой классики. Мережковский выдвигался кандидатом на Нобелевскую премию по литературе. Трилогия «Царство Зверя», в которую входят драма «Павел Первый», романы «Александр Первый» и «14 декабря» – логическое художественное и философское продолжение и завершение трилогии «Христос и Антихрист».

Содержание

Действие первое	6
Первая картина	6
Вторая картина	13
Действие второе	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дмитрий Сергеевич Мережковский
Павел Первый
драма в 5-ти действиях

Действующие лица:

Павел I, император.

Александр, сын Павла, наследник.

Константин, сын Павла, великий князь.

Мария Федоровна, императрица.

Елизавета, супруга Александра.

Гр. Пален, военный губернатор Петербурга.

Командиры полков и другие чины военные.

Придворные заговорщики.

Действие в Петербурге, от 9 до 12 марта 1801 года.

Действие первое

Первая картина

Вахт-парад. Площадь перед Михайловским замком. В глубине – замок и Летний сад. Справа – деревья; караульная будка и шлагбаум, полосатые, в три цвета – красный, черный, белый. Слева – крыльцо экзерциргауза со ступеньками, колонками и стеклянной дверью. Раннее зимнее утро. Серое небо. Снег. Вдали слышны барабан и трубы.

Павел; Александр; Константин; Пален, граф, военный губернатор Петербурга; Денрерадович, генерал, командир Семеновского полка; Талызин, генерал, командир Преображенского полка; Яшивиль, князь, капитан гвардии артиллерийского батальона; Мамаев, генерал; Тутолмин, полковник; фельдфебель; солдаты.

Александр и Константин стоят на крыльце, греясь у походной жаровни.

Константин. Зверем был вчера, зверем будет и сегодня.

Александр. Вчера троих засекали кнутом.

Константин. Одних – кнутом, других шпицрутенном. А впрочем, наплевать, все там будем!

Александр. Холодно, холодно, у-у! Рук не согреешь. Намедни генерал Кутузов ухо отморозил, – едва салом оттерли.

Константин. А у немца Канабиха штаны примерзли. Одна пара лосин; сам с утра моет; не высохли да на морозе-то и примерзли; чуть с кожей не отодрали; денщик дерет, а немец орет. Ну, да поделом ему, сволочи; как собака на людей кидается; одному солдату ус выщипнул с мясом, другого за нос укусил. А впрочем, наплевать...

Александр. Вороны-то в Летнем саду как раскаркались! Верно, к оттепели. Когда ветер с юга и оттепель, батюшка сердится.

Константин. Нынче не от ветра, чай, а от княгини Гагариной. Вчера поссорились.

Александр. У меня письмо от нее к батюшке.

Константин. Хорошо, что письмо. Коли сердиться будет, отдай. Родинка, родинка – все наше спасение...

Александр. Какая родинка?

Константин. А на правой щеке у княгинюшки. Я думал сперва, мушка; да нет, настоящая родинка, и прехорошенькая...

Александр. Тише, – идет.

Константин. Спрячемся. Авось, не увидит.

Александр (*крестясь*). Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Солдаты маршируют. Входит Павел, махая военной тростью.

Павел. Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! (*Останавливаясь.*) Смирно-о!

Из шеренги в шеренгу повторяется команда: «Смирно-о!», «Смирно-о!»

Павел. Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются и равняются.

Павел. Строить фронт захождением взводов! Направо кругом марш!

Солдаты маршируют в противоположную сторону. Барабан.

Павел (*махая тростью*). Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! Ноги прямо, носки вон! Штык равняй, штык равняй! Ноги прямо, носки вон! Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два!

Павел уходит.

Константин. Гляди-ка, Саша, двенадцать шеренг как равняются. Сам бы король Прусский позавидовал. Ах, черт побери, вот это по-нашему, по-гатчински! А все-таки быть беде...

Александр. А что?

Константин. Аль не заметил, в углу рта жилка играет? Как у него эта жилка заиграет, так быть беде... Я намедни в Лавре кликушу видел – монахи говорят, бесноватый: такая же точно жилка; когда подняли Чашу, упал и забился...

Александр. Что ты, Костя? Неужели батюшка?..

Константин. Тс-с... Идет.

Входит Павел, окруженный свитою: командиры – Преображенского полка Талызин, Семеновского – Депрерадович; артиллерийский полковник, кн. Яшивиль; военный губернатор Петербурга, гр. Пален, и другие. Солдаты строятся во фронт.

Павел. Преображенского командира сюда!

Талызин подходит к Павлу.

Павел. Сведаль я, сударь, что вашего полка господа офицеры везде разглашают, будто не могут ни в чем угодить. А посему извольте объявить, что легкий способ кончить сие – вовсе их кинуть, предоставив им всегда таковыми оставаться, каковы прежде мерзки были, что и не премину. Кто не хочет служить, поди прочь – никого не удерживают.

Талызин. Ваше величество...

Павел. Молчать! Когда я говорю, слушать, сударь, извольте, а не умничать. С удивлением усматриваю, что в исправлении должности вашей вы все еще старых обрядов держитесь, кои более четырех лет искоренить стараюсь. Только в передней да пляске обращаться, шаркать по паркету умеете.

Талызин. Государь...

Павел. Молчать! Я из вас потемкинский дух, сударь, вышибу! Туда зашлю, куда ворон костей не заносил!

Павел с Депрерадовичем, кн. Яшивилем и прочею свитою, кроме Талызина и гр. Палена, уходят.

Пален. За что это вас, генерал?

Талызин. Солдат не в ногу ступил, а у другого расстегнулась пуговица.

Пален. За пуговицу – вот так штука, не угодно ли стакан лафита!¹

¹ Используемое выражение означает ссылку в Сибирь.

Талызин. Не служба, а каторга. В отставку – и кончено!

Пален. Да, крутенько, крутенько. А все-таки с отставкой погодите-ка, ваше превосходительство! Такие люди, как вы, нам теперь нужны особенно. *(На ухо.)* Эта кутерьма долго существовать не может...

Депрерадович вбегает запыхавшись.

Депрерадович. Беда! Беда!

Пален. Что такое?

Депрерадович. В девятой шеренге черт дернул поручика скомандовать вместо «дирекция² направо» – «дирекция налево». И пошло, и пошло. Люди с шагу сбились, ошалели от страха, команды не слушают; командиры, как угорелые, мечутся. А государь только кричит: «В Сибирь!»

Пален. Помните, господа, в прошлом-то году Измайловскому полку скомандовал: «Направо кругом марш – в Сибирь!» Так ведь и пошел весь полк к Московской заставе и дальше по тракту – остановили только у Новгорода. Вот и теперь, пожалуй, – прескверная штука, не угодно ли стакан лафита!

Депрерадович. Пропали, пропали мы все!

Солдаты маршируют. Входит Павел.

Павел. Смирно-о!

Солдаты останавливаются.

Константин *(на ухо Александру).* Жилка-то, жилка, смотри. Ну, теперь только держись!

Александр *(крестясь).* Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Павел. В пятой шеренге фельдфебель – коса не по мерке. За фронт!

Фельдфебеля подводят к Павлу.

Павел. Что у тебя на затылке, дурак?

Фельдфебель *(заикаясь).* К-коса, ваше величество!

Павел. Врешь! Хвост мыший. Мерку!

Подают палочку для измерения кос. Мерит.

Павел. Вместо девяти вершков – семь. Букли выше середины уха. Пудра сыпалась, войлок торчит. Как же ты с этакой прической во фронт явиться смел, чучело гороховое?

Фельдфебель *(заикаясь).* П-парикмахер...

Павел. Я тебе покажу, сукин сын, парикмахера! Букли долой! Косу долой! Все долой!

Срывает с фельдфебеля парик и топчет ногами.

Павел. Срам! Срам! Срам! Бить нещадно! Двести... триста... четыреста палок! Генерал Мамаев!

² Направление *(франц. direction).*

Входит Мамаев.

Павел. Извольте, сударь, следить за экзекуцией. Тут же на месте, без промедления. С вас взыщется.

Уходит. Фельдфебеля ведут в экзерциргауз.

Фельдфебель (*падая на колени перед Александром*). Ваше высочество, тридцать лет в походах! У светлейшего князя Суворова... На штурме Измаила ранен... И как собаку, палками! Уж лучше расстреляли бы!.. Батюшка, смилуйтесь!..

Александр (*закрывая лицо руками*). Господи! Господи!

Мамаев (*толкая ногой фельдфебеля*). Ступай, черт, ступай! (*Солдатам.*) Ну-ка, ребята, живее!

Солдаты втаскивают фельдфебеля в дверь экзерциргауза. Туда же входит Мамаев.

Александр. А ведь он его заперет, Костя?

Константин. Заперет. Скотина прелюбая. Отца не пожалеет, только бы выслужиться. Ну, где старику четыреста палок выдержать! Да, жаль... А впрочем, наплевать – все там будем... Да ты письмо-то княгини Гагариной, что ли, скорей бы отдал? Авось, подберет.

Александр. Сейчас.

Входит Яшвиль.

Пален. Что с вами, князь?

Яшвиль. По щеке меня...

Пален. Ай, ай! Вот и кровь. Должно быть, зуб вышиб. Примочку бы, а то распухнет. И за что вас так?

Яшвиль. За цвет мундирной подкладки у нижнего чина... Сего тиранства терпеть не можно! Честью клянусь, он мне за это...

Пален. Не говорите-ка лишнего... А я вам лучше вот что скажу: (*отводя Яшвиля в сторону*) подлец – кто говорит, молодец – кто делает!

Депрерадович. Господа, глядите: за Тутолминым с палкою гонится между шеренгами. Точно в пятнашки играют. Сюда бегут.

Полковник Тутолмин вбегает.

Тутолмин. Не выдавайте! Убьет!

Перескакивает через шлагбаум и убегает.

Депрерадович (*вдогонку Тутолмину*). В манеж беги – на сеновале спрячешься.

Константин. Ну, с Богом, с Богом, Сашенька! Вот он – ступай.

Александр. Не подождать ли, Костя? Видишь, с палкой. Прибьет.

Константин. Экий ты, братец, мямля! Чего зевать? Сколько еще народу перепортил. (*Подталкивая Александра.*) Да ну же. Ступай!

Александр (*крестясь*). Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Павел вбегает с поднятою тростью.

Павел. Держи! Держи!
Депрерадович. Кого?
Павел. Тутолмин, сукин сын! Где он?
Депрерадович. Здесь нет, государь!
Павел. Врете! Сюда пробежал. Я сам видел.
Депрерадович. Никак нет, ваше величество!

Александр подходит к Павлу и подает письмо.

Александр. Батюшка...
Павел. К черту!
Александр. От княгини Гагариной...
Павел. Давай.

Павел читает письмо. Депрерадович всходит на крыльцо и становится рядом с Константином.

Константин (*крестясь*). Заступи, Царица Небесная! Заступи, Аннушка!
Депрерадович. Кажись, действует.
Константин. Да, лицо просветлело. Усмехается. Ну, слава Богу, слава Богу! Вывезла родинка... Молодец, Аннушка!
Павел. Monseigneur...³
Александр. Sire?⁴
Павел. На одно словечко, ваше высочество! Граф фон дер Пален, извольте команду принять. А я сию минуту...

Все уходят, кроме Константина и Депрерадовича. Павел берет Александра под руку.

Павел. Ты имеешь много благородства в сантиментах, Сашенька, – ты меня поймешь... Ах, зачем, зачем так мало знают люди, что такое любовь, и сколь великое таинство скрывается под сим священным именем...

Отходят.

Депрерадович. А там-то, за дверью, слышите, ваше высочество, экзекуция...
Константин. Да, воег бедняга, как овца под ножом. Изверг Мамайка, должно быть, с него теперь третью шкуру спускает...
Павел. Анна, Анна! Твой образ везде предо мною. Мое сердце бьется и вечно будет биться для тебя одной. Кто из смертных, кто станет рядом с оною женщиною, несравненною в чувствах моих? Никто из земнородных. Бог и она! Понимаешь, друг мой Сашенька?
Александр. Понимаю, батюшка! Ах, чего бы стоила жизнь человеков, если бы любовь не услаждала ее бальзамом своим!
Павел. Вот, вот именно – бальзам...

Отходят.

³ Ваше высочество (*франц.*).

⁴ Государь (*франц.*).

Константин. Спелись, видно. На эти дела Сашка мастер: ему бы актером быть... А того все воет!

Депрерадович. Просто мочи нет, ваше высочество! Отойдемте, ради Христа.

Константин. Нельзя. Батюшка, не дай Бог, увидит, подумает, что мы подслушивали. Теперь мешать ему не надо, пусть наговорится досыта. (*Прислушиваясь.*) Как будто затих?.. Нет, опять пуще прежнего. Тьфу, даже слушать противно!.. А впрочем, наплевать – все там будем...

Павел. Я одарен от природы сердцем чувствительным, Сашенька! Однажды увидел я маленькую фиалку: она стояла подле скалы, покрыта камнями, где ни одна капля росы не освежала ее. И нежная меланхолия обняла мою душу, слеза упала из глаз моих на тот цветочек, и он, оживленный влагою, распустился. Такова любовь моя к Анне...

Барабан. Солдаты маршируют. Входят Пален и прочие командиры. Офицеры на ходу салютуют Павлу эспантонами.

Павел. Молодцы, молодцы! Видишь, Саша, – пробрал их как следует, и подтянулись. Раз-два, раз-два, ноги прямо, носки вон, левой-правой, левой-правой, раз-два! Молодцы! Утешили. Лучше не надо.

Военная музыка.

Павел (*махая тростью, напевает*).

Ельник, мой ельник,
Частый мой березник,
Люшеньки-люли!

Константин. Ну, «Ельник» запел – значит выгорело. Только бы теперь Саша не мямлил.

Константин делает знаки Александру за спиной Павла.

Александр. Осмелюсь ли, батюшка?..

Павел. Говори, братец, не бойся.

Александр. Простите, ваше величество, тех, кто сегодня провинился!

Павел. Прощаю.

Александр. И фельдфебеля...

Павел. Всех.

Александр целует руку Павла и отходит к Константину.

Александр. Скорее, Костя!

Константин. Ну, брат, не поздно ли?

Константин входит в дверь экзерциргауза.

Павел. Граф фон дер Пален! Последней экзерцицией я, сударь, весьма доволен: изрядненько командовать изволили. Благодарю и виновных прощаю. (*Командирам.*) А если погоря-

чился, сказал что лишнее, так и вы, господа, меня простите. (*Солдатам.*) Смирно-о! Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются. Музыка стихает.

Павел. Спасибо, ребята!

Солдаты. Рады стараться, ваше величество!

Павел. По чарке вина, по фунту говядины!

Солдаты. Ура!

Солдаты маршируют. Музыка.

Павел (*напевает*).

Ельник, мой ельник.

Люшеньки-люли!

Уходит. Из двери экзерциргауза – Константин.

Александр. Ну, что?

Константин. Еле дышит. Фельдшер говорит, до завтра не выживет. Я велел в лазарет.

Александр. Господи! Господи!

Слева, из-за стены экзерциргауза, выносят на походных носилках фельдфебеля, покрытого рогожею; справа маршируют солдаты с музыкой и знаменами.

Солдаты. Ура! Ура!

Пален (*командирам, указывая на знамена и носилки*). Как в древнем Риме: Ave, Caesar, morituri te salutant.⁵

Константин. Что ты, Саша?

Александр. Оставь...

Александр опускается на ступеньки крыльца, закрывает лицо руками и плачет.

Константин. Вишь, разнюнился! Экая баба!.. (*Помолчав.*) Ну, перестань, перестань же, миленький Сашенька, голубчик! Не стоит же, право. Наплевать, все там будем!

Александр. Не могу! Не могу! Не могу!

Пален. Поздравляю, господа, с царскою милостью: всех простил.

Яшвиль. Он-то простил, да мы...

Пален. Тише, князь! Вы опять за свое. Вспомните-ка лучше, что я вам сказал давеча: подлец – кто говорит, молодец – кто делает.

⁵ Здравствуй, Цезарь [император], идущие на смерть [гладиаторы] приветствуют тебя! (*лат.*)

Вторая картина

Кабинет Александра в Михайловском замке. В глубине – окно на Летний сад и Фонтанку. Слева – дверь во внутренние покои великого князя; справа – на лестницу, ведущую в покои государя.

Александр; Елизавета, великая княгиня, жена Александра; Павел; Пален.

Александр лежит на канаве с книгой в руках. Елизавета у окна играет на арфе.

Александр. Что это, Лизхен?

Елизавета. Из «Орфея»⁶ песнь Евридики. А ты спал?

Александр. Нет, так только, дремлет. Читать темно.

Елизавета. Да, темно. Уж сколько дней солнца не видно. Живем, как в подземелье.

Александр. Что же ты не играешь? Я люблю мечтать под музыку.

Елизавета. Любишь мечтать. Лежать и мечтать...

Александр. Канаве старенький, еще от бабушки, а удобный. Как ляжешь, так бы и не вставал...

Елизавета (*глядя в окно*). Небо низкое, темное, точно каменное; а деревья, под инеем, белые, как в саване. – Евридика, Евридика под сводами ада... Мужик идет, шапку снял. Удивительно, что люди шапки снимают перед дворцом. На морозе-то сколько, должно быть, простудилось... Ну, а что же Руссо?

Александр. Руссо? Знаешь, я все о нем думаю. Первобытное состояние природы... Ах, для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями!

Елизавета. Как старикашка Куракин поет:

Берега кристальной речки.
И пастушка, и овечки...

Александр. Не смейся, Лизанька! Разве не правда, что в простоте природы сердце наше живее чувствует все то, что принадлежит к составу истинного счастья, влияющего благотворным Существом в сосуд жизни человеческой?..

Елизавета. Влияющего, влияющего... Как ты хорошо говоришь, Саша!

Александр. Ах, единая мечта моя – когда воцарюсь, покинуть престол, отречься от власти, показать всем, сколь ненавижу деспотичество, признать священные Права Человека – les Droits de l'Homme, даровать России конституцию, республику – все, что хотят – и потом уехать с тобою, милая, бежать далеко, далеко... Там, на берегах Рейна или на голубой Юре, в пустынной хижине, обвитой лозами, протечет наша жизнь, как восхитительный сон, в объятиях природы и невинности!..

Елизавета. Да, да, в пустынной хижине... А вот кто-то опять без шапки идет, верно, чиновник – шуба с орденом. А кучер в санях двумя руками правит, шапку держит в зубах. Удивительно! А солдат у шлагбаума бьет бабу. Баба плачет, а солдат бьет. Долго, долго. Смотреть скучно. А небо все ниже да ниже... Евридика, Евридика под сводами ада...

Перебирает струны. Молчание.

Александр. О чем ты думаешь? Знаешь, Лизхен, когда ты говоришь, мне все кажется, что ты о другом думаешь...

⁶ Опера «Орфей и Эвридика» – композитор К. Глюк (1714–1787), впервые поставлена в России в 1782 г.

Елизавета. О другом? Нет. А впрочем, не знаю, может быть, о другом... Ах, струна оборвалась. Нельзя больше играть.

Александр. Поди сюда.

Елизавета (*к Александру, подходя*). Ну, что?

Александр. Как тебе это белое платье к лицу! Когда ты так стоишь надо мною, светлая, светлая, в сумерках, то как будто Евридика или Психея...

Елизавета. Vous êtes trop aimable, monseigneur!⁷ А рук не целуйте. Оставьте, не надо. Помните, намедни вы сказали, что мы с вами как брат и сестра? Брат и сестра...

Александр. Но ведь все-таки, Лизхен...

Елизавета. Да, все-таки... А правда, что когда Константин целует руки жене, то ломает и кусает их, так что она кричит?

Александр. Кто тебе сказал?

Елизавета. Она сама. А раньше, будто бы, он забавлялся тем, что в манеже из пушки стрелял живыми крысами?

Александр. Зачем ты, Лизхен?..

Елизавета. Затем, что я не хочу быть Психеей! Слышите, не хочу. Надоело, опротивело... Амур и Психея – какой вздор! (*Молчание.*) А о бригадирше Лихаревой слышали?

Александр. Не помню.

Елизавета. Деревенька у них под Петербургом. Муж заболел, жена приехала в город за доктором. Государь тоже встретился – кучер не остановил. Бригадиршу посадили на съезжую. От страха заболела горячкою. Муж умер, а жена сошла с ума.

Александр. Ужасно!

Елизавета. Да, ужасно. «А впрочем, наплевать», как говорит ваш братец. Мы ведь все рабы – и тот мужик без шапки, и я, и вы. Рабы... или нет, крысы, которыми Константин заряжал свою пушку. Выстрелит, и что от крыс останется?

Александр. Господи! Господи!

Елизавета. От раздавленных крыс пятно кровавое... Какая гадость... Я, кажется, с ума схожу, как бригадирша Лихарева. Все мы сходим с ума. Лучше не думать... Лежать и мечтать...

Берега кристальной речки,
И пастушка, и овечки...

(*Падая на колени и закрывая лицо руками.*) Скучно, скучно, скучно, Сашенька!..

Дверь направо открывается бесшумно. Входит Павел и останавливается на пороге.

Александр (*обнимая Елизавету*). Лизанька, девочка моя бедная...

Павел. Амур и Психея!

Александр и Елизавета вскакивают.

Александр. Что это?

Елизавета. Государь.

Павел. Испугались, друзья мои? Думали – привидение?

Александр. Простите, ваше величество! Темно. Я свечой...

Павел. Не надо. (*Елизавета хочет уйти.*) Куда вы, сударыня? Вы нам не мешаете.

⁷ Вы слишком любезны, ваше высочество! (*франц.*)

Елизавета отходит к окну.

Павел (*взяв книгу*). Это что? Руссо. А это? «Брут», трагедия господина де Вольтера. (*Читает.*)

...Rome est libre.
Il suffit. Rendons grâce aux dieux.⁸

Значит: «Царя убили, и слава Богу». – Кто подчеркнул?

Александр. Не могу знать, ваше величество! Книга от бабушки. Не она ли сама изволила?

Павел. Все-то у вас от бабушки, сударь, и сами вы – бабушкин внучек!.. А историю царевича Алексея помните? Вот подлинная трагедия, не то что Вольтеровы глупости! Сын восстал на отца, и отец казнил сына. Помните?

Александр. Помню.

Павел. Ну то-то же! А все-таки перечесть не мешает. Ужо пришло. Кстати, правда ли, что у вас в полку Вольтера почитывают?

Александр. Виноват, государь! Одно только сочиненьице «Кандид». При бабушке отпечатано.

Павел. Опять бабушка!.. У кого найдено?

Александр. Измайловского полка у штабс-капитана Пузыревского.

Павел. Ну и что же?

Александр. Книга в корпусной пекарне сожжена – сделан выговор!

Павел. Что толку выговор от вас, когда и сами вы, сударь, Вольтера читаете? Каков поп, таков и приход. Однако шутки в сторону, наблюдать извольте впредь, дабы из чинов, управлению вашему вверенных, чтением таковым упражняться никто не осмеливался. Понеже слухи до меня доходят, что французскими натуральной системы книгами многие господа военные заражены, по домам ходят в платье партикулярном, фраки и жилеты носят, явно изображая тем развратное свое поведение. Вот каковы, сударь, следствия философической вольности или, лучше сказать, бешенства, коим вводится язва моральная, правила безбожные и возмутительные, буйственное воспаление рассудка, как то показало нам правление богомерзкое во Франции и оные режисиды, изверги человечества, в злодеянии, учиненном над королевскою особою...

Александр. Батюшка...

Павел. Молчать! Я знаю, сударь, что вы – якобинец, но я разрушу все ваши идеи!.. Да, знаю, знаю все – и то, как бабушкины внучки спят и видят во сне конституцию, республику, Права Человека, а того не понимают, что в оных Правах заключается дух сатанинский, уготовляющий путь Зверю, Антихристу. О, как страшен сей дух! Никто того не знает, я знаю, я один! Бог мне открыл, и Богом клянусь, искореню, истреблю, сокрушу – или я не буду Павел I!

Александр. Батюшка, я никогда...

Павел. Лжешь! Это кто писал? (*Показывает письмо.*) Говори, кто?

Александр. Я... но не моя воля...

Павел. А чья?

Александр. Бабушки.

Павел. Чертова бабушка!

Александр. Государь, ваша покойная матушка...

⁸ ...Свободен Рим.Сего довольно. Вознесем хвалу богам (франц.).

Павел. Да, знаю: мать отца убила и меня, сына, в Шлиссельбург хотела заточить, в тот самый каземат, где некогда страдальца безвинного, Иоанна Антоновича, задавили, как крысу в подполье. Тридцать лет я томился в смертном страхе, ждал яда, ножа или петли от собственной матери и глядел, как она со своими приспешниками, цареубийцами, над памятью отца моего ругается, – глядел и терпел, и молчал... Тридцать лет, тридцать лет!.. Как только Бог сохранил мне рассудок и жизнь?.. И ты был с нею!.. Вот что значат слова сии. Читай: «Всею кровью моею не мог бы я заплатить за все то, что вы для меня сделали и еще сделать намерены». Это значит: меня с престола спихнуть, чтоб тебя...

Александр (*падая на колени*). Батюшка! Батюшка! Никогда я не хотел... Да разве вы не видите, и теперь не хочу... Отрешите, умоляю вас. Богом заклинаю, отрешите меня от престола, избавьте, помилуйте!..

Павел. Лжешь, негодяй, опять лжешь! (*Занося трость.*) Я тебя!..

Елизавета (*удерживая Павла за руку*). Как вам не стыдно?..

Павел (*отталкивая Елизавету*). Прочь!..

Елизавета. Рыцарь Мальтийского ордена – женщину?..

Павел (*отступая*). Да, рыцарь... Вы правы, сударыня! Прошу извинения. Погорячился... Какая вы, однако, смелая! Я и не знал. Психея – и вдруг... Мне это понравилось. Я бы хотел, чтобы так все... Благодарю. Ручку позвольте, ваше высочество. Что? Не бойтесь, не укушу. Я еще не кусаюсь... Ха-ха!

Павел целует руку Елизаветы и кланяется с изысканной вежливостью.

Павел. J'ai l'honneur de vous saluer, madame, monseigneur!⁹ Еще раз прошу извинения. (*Отходя к двери.*) А ведь вы тут надо мною, пожалуй, смеяться будете вдвоем. Амур и Психея?.. Ну что ж, смейтесь на здоровье. Rira bien, qui rira le dernier...¹⁰ А историю царевича Алексея я вам, сударь, все же пришлю. Почитайте-ка, сравните с Брутом!

Уходит.

Елизавета. Шут!

Александр. Тише, тише. Пожалуй, подслушает.

Елизавета (*открывая дверь и заглядывая*). Ушел.

Пален входит слева.

Пален. Не он, а я подслушивал. Простите, ваши высочества, – по должности военного губернатора...

Елизавета уходит налево. Александр сидит на канаве, опустив голову на руки. Молчание.

Пален. Прескверная штука, не угодно ли стакан лафита!

Александр. Знает все?

Пален. Ну, все, не все, а кое-что. Не сегодня, впрочем, так завтра узнает. И тогда пропали мы!

Александр. Что же делать?

⁹ Имею честь приветствовать вас, сударыня, ваше высочество! (*франц.*)

¹⁰ Хорошо смеется тот, кто смеется последним (*франц.*).

Пален. Спешить. Остаются не дни, а часы. Наш план вы знаете: овладеть особой императора, объявить больным и принудить к отречению от престола, дабы передать оный вам. Не от себя говорю, а от сената, войска, дворянства – от всего народа российского, коего желание единственное – видеть Александра императором.

Александр. Принудить? Вы его не знаете: он скорее умрет...

Пален. От жестоких болезней – лечение жестокое: если не отречется, то – в Шлиссельбург...

Александр. Что вы, что вы, граф?..

Пален. Будьте покойны, государь: караул из наших – не выдадут.

Александр. Я не о том, а не хочу, слышите, не хочу, чтобы вы так со мной говорили о батюшке!

Пален. Ах, вот что. Слушаю-с. *(Помолчав.)* Я знаю теперь, чего вы не хотите, а чего хотите, все-таки не знаю.

Александр. Ничего, ничего я не хочу! Оставьте меня в покое!..

Пален. Бывают случаи, ваше высочество, когда ничего не хотеть – безумно или преступно...

Александр. Как вы, сударь, смеете?..

Пален. Я говорю то, что велит мне должность гражданина и подданного.

Александр *(вскакивая и топая ногами, подобно Павлу)*. Вон! Вон! Не могу я больше терпеть, не могу, не могу... Не хочу быть орудием ваших низостей! Вы – изменник! Никогда не подыму я руки на государя, отца моего! Лучше смерть! Сейчас иду к батюшке, все донесу...

Пален. Ну, мы, кажется, все сходим с ума. Я человек откровенный, ваше высочество, хитрить не умею: что на уме, то и на языке. Говорил с вами прямо и прямо взойду на эшафот! Честь имею кланяться.

Пален уходит. Александр падает на канapé и лежит, уткнувшись лицом в подушку. Входит слева Елизавета.

Елизавета. Ну, что, как? Решили?

Александр молчит, Елизавета обнимает его и гладит по голове.

Елизавета. Мальчик мой, мальчик мой бедненький...

Александр. Не могу, не могу, не могу я, Лизхен!..

Елизавета. Что же делать, Саша? Надо...

Александр *(приподнимаясь и глядя на нее пристально)*. А если кровь?

Елизавета. Лучше кровь, лучше все, чем то, что теперь! Пусть наша кровь...

Александр. Не наша...

Молчание.

Александр. Что же ты молчишь? Говори. Или думаешь, что мы должны – через кровь?..

Елизавета. Не знаю...

Александр. Нет, нет, нет... молчи, не смей... Если ты скажешь, Бог не простит...

Елизавета. Не знаю, простит ли Бог, но мы должны.

Действие второе

Зала в Михайловском замке. Полукруглая колоннада из белого мрамора. Две ниши по бокам – справа со статуей Венеры, слева – Флоры. Три двери: одна в середине – в Тронную; другая справа – во внутренние апартаменты государя; третья слева – в анфиладу зал, которые сообщаются с парадною лестницею. По обеим сторонам средней двери большие, во всю стену, зеркала. Несмотря на множество горящих в люстрах и шандалах восковых свечей, полумрак от густого тумана. Концертный вечер. Издали слышится музыка Гайдна – Чимарозы, Моцарта. Кавалеры – в придворных мундирах, шитых золотом, в пудре, буклях, чулках и шпагах; дамы – в белых, с тонким золотым или серебряным узором, греческих туниках.

Императрица Мария Федоровна, великая княгиня Елизавета, великие князья Александр и Константин – в нише под статуей Венеры. Их окружают фрейлины Щербатова и Волкова, обер-церемониймейстер гр. Головкин, обер-гофмаршал Нарышкин, италмейстер кн. Голицын, отставной церемониймейстер гр. Валуев, обер-италмейстер гр. Кутайсов, военный губернатор гр. Пален и другие придворные.

Мария Федоровна. Что это так темно, граф?

Головкин. Туман от сырости, ваше величество! Здание новое, сразу не высушишь.

Елизавета. А мне нравится туман – белый, мутный, точно опаловый – от свечей радуга, и люди – как привидения...

Голицын. И на дворе туман – зги не видать.

Валуев (*полуслепой дряхлый старик, говорит шамкая*). Деятнадцатый век! Деятнадцатый век! Нынче дни все такие туманные, темные. А в старину, бывало, и зимой-то как солнышко светит! Помню, раз у окна в Эрмитаже стою, солнце прямо в глаза; а покойная государыня подошли и шторку опустили собственными ручками. «Что это, говорю, ваше величество, вы себя обеспокоили?» – А она, матушка, улыбнулась так ласково, – одно солнце там, на небе, а другое здесь, на земле... Отжили, отжили мы красные дни!..

Входит статс-дама гр. Ливен.

Ливен. Извините, ваше величество! Уф, с ног сбилась!.. Присяду.

Мария Федоровна. Что с вами, Шарлотта Карловна?

Ливен. Заблудилась в коридорах да лестницах...

Головкин. Немудрено – сущий лабиринт.

Ливен. Заблудилась, а тут часовые как гаркнут: «Вон!» Прежде «К ружью!» командовали, а теперь: «Вон!» С непривычки-то все пугаюсь. Подхватила юбки и ну бежать – споткнулась, упала и коленку ушибла.

Мария Федоровна. Ах, бедная! Потереть надо арникум.

Константин. А я думал, привидение.

Ливен. Какое привидение?

Константин. Тут, говорят, в замке ходит. Батюшка сказывал...

Мария Федоровна. Taisez vous, monseigneur. Cela ne convient pas.¹¹

Волкова. Ах, ваше высочество, зачем вы на ночь? Я ужаси как их боюсь...

Нарышкин. О привидениях спросить бы Кушелева: он фармазон – с духами водится. Давеча отменно изъяснил нам о достижении к сверхнатуральному состоянию через пупок...

Голицын. Какой пупок?

¹¹ Замолчите, ваше высочество. Это неприлично (*франц.*).

Нарышкин. А ежели, говорит, на собственный пуп глядеть да твердить: Господи помилуй! – то узришь свет Фаворийский.

Голицын. Чудеса!

Щербатова. Не чудеса, а магнетизм. В Париже господин Месмер¹² втыкает иголки в сомнамбулу, а та не чувствует и все угадывает.

Нарышкин. Есть и у нас тут в Малой Коломне гадалыщица...

Валуев. Деятнадцатый век! Деятнадцатый век! Чертовщина везде завелась...

Щербатова. Вы, господа, ни во что не верите, у вас нынче все – «натура, натура». А мне бы хоть одним глазком заглянуть на тот свет, что там такое? *L'inconnu est si séduisant!*¹³

Голицын. Когда умрем, сударыня, времени будет довольно на неосязаемость, душеньки наши набродятся досыта. А пока живы, милее нам здешние «Душеньки».¹⁴

Щербатова. Ну вас, шалун, отстаньте...

Гоф-фурьеры вбегают из дверей справа, машут руками и шикают.

Гоф-фурьеры. Его величество! Его величество!

Все становятся в ряд; дамы приседают, кавалеры кланяются. Музыка играет марш. Павел, под руку с кн. Анной Гагариной, проходит через толпу, едва отвечая на поклоны, и садится рядом с Анной в нише под статуей Флоры.

Павел. Аннушка, моя улыбочка...

Хочет взять руку Анны.

Анна. Не надо, не надо, государь, – увидят...

Павел. Пусть видят! Я ничего не вижу, не слышу, не чувствую, кроме тебя. Ты осчастливила жизнь мою. Только ты, достойнейшая из женщин, могла влить кроткие чувствования в сердце мое, только при взоре твоём родились в нём добродетели, как цветы рождаются при майском солнце. Я хотел бы здесь, у ног твоих, Анна...

Анна. Ради Бога, ваше величество! Государыня смотрит...

Павел. Аннушка, моя улыбочка, отчего ты такая грустная? О чём думаешь?..

Анна. Я думаю... Ах нет, простите, ваше величество... Я не умею. Я только хотела бы, чтобы все знали вас, как я... Но никто не знает. А я не умею... Глупая, глупая... Простите, я не так...

Павел. Так. Аннушка! (*Торжественно, поднимая руку и глаза к небу.*) Благодарю, сударыня, благодарю... за эти слова... Знайте, что я, умирая, думать буду о вас!..

Анна. Пáвлушка, миленький...

Павел. Ах, если бы ты знала, как я счастлив, Анна, и как желал бы сделать всех счастливыми! Каждого к сердцу прижать и сказать: чувствуешь ли, что сердце это бьётся для тебя? Но оно не билось бы, если бы не Анна... Да нет, я тоже не умею... тоже глупый, как ты... Ну и будем вместе глупыми!..

Нарышкин (*тихо указывая на Павла и Анну*). Голубки воркуют!

Головкин. А у княгини-то платье – из алого бархату, точно из царского пурпура.

Голицын. Субретка в пурпуре!

¹² Фридрих Месмер (2-я пол. XVIII в.) – австрийский врач, создатель теории «животного магнетизма».

¹³ Неведомое так увлекательно! (*франц.*)

¹⁴ Героиня одноименной поэмы И. Ф. Богдановича (1744–1803)

Нарышкин. Будь поумнее, под башмаком бы его держала.

Головкин. И башмаком бы в него кидала, как, помните, Катька Нелидова.

Мария Федоровна и Пален говорят в стороне тихо.

Мария Федоровна (*всплескивая руками*). Aber um Gottes willen, mein lieber¹⁵ Петр Алексеевич, неужели возможно?..

Пален. В России, ваше величество, все возможно. Да вот сами изволите видеть: в «Ведомостях» пишут. (*Читает.*) «Российский император, желая положить конец войнам, уже одиннадцать лет Европу терзающим, намерен пригласить всех прочих государей на поединке сразиться».

Мария Федоровна. Господи, Господи! На чем же они сражаться будут?

Пален. На мечах или копьях, что ли, как рыцари, бывало, на турнирах.

Мария Федоровна. Рыцари, турниры?.. Aber um Gottes willen, я ничего не понимаю!..

Пален. И я, ваше величество... .

Павел (*указывая на Марию Федоровну и Палена*). А я знаю, о чем они судачат.

Анна. О чем?

Павел. Да уж знаю. Давай-ка их дразнить.

Анна. Ах, нет, ради Бога! И без того ее величество... .

Павел. Надоело мне ее величество! Не в свое дело суется. Мозги куриные. Ей бы не императрицею быть, а институтской мадамой! (*Вставая.*) Пойдем же.

Анна. Ну, зачем, зачем, Павлушка?..

Павел. А затем, что весело, шалить хочется. Мы ведь с тобой глупенькие, а они умные, как же не подразнить их?

Павел подходит к Марии Федоровне. За ним – Анна.

Павел. Votre conversation, madame, me paraît bien animée.¹⁶ О чем беседовать изволите?

Мария Федоровна

¹⁵ Но, Господи, Твоя воля, мой дорогой (*нем.*).

¹⁶ Ваш разговор, сударыня, кажется мне весьма оживленным (*франц.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.